

УДК 81.161.1'42

**ЕДИНИЦЫ ОПИСАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТА
В ПРОСТРАНСТВЕ АДРЕСАТА**

Л. Г. Ким

**THE DESCRIPTION UNITS OF THE TEXT INTERPRETATIVE FUNCTIONING
IN THE ADDRESSEE FIELD**

L. G. Kim

Статья выполнена при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422 "Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование".

В статье рассматривается модель интерпретационного функционирования текста в процессе его восприятия адресатом, вводятся единицы, позволяющие описать этот процесс, рассматривается их статус как единиц языка и речи.

The article deals with the model of the text interpretative functioning in the process of perception by the addressee. The units describing this process are introduced, their status as language and speech units is determined.

Ключевые слова: интерпретация текста, интерпретируемый текст, интерпретирующий текст, смысловая версия, семантизация, функция языковой единицы.

Keywords: interpretation of the text, an interpreted text, an interpreting text, sense version, semantization, the language unit function.

Вводные замечания

Задачей настоящей статьи является исследование функционирования текста в рецептивном пространстве интерпретатора и выделение единиц, позволяющих адекватным образом представить такое описание.

Согласно современным коммуникативно-прагматическим концепциям функционирования текста, его природа имеет амбивалентный характер. С одной стороны, текст есть результат смыслоплощающей деятельности автора, с другой – текст представляет собой объект интерпретационной деятельности субъекта-адресата. Исходя из этого положения, традиционно представляемую триаду «автор – текст – адресат» мы предлагаем развернуть в коммуникативную цепочку:

Автор → Текст автора →

Текст субстанц. → Адресат → Текст адресата, где ТЕКСТ *автора* представляет собой объект и результат смыслоплощающей и текстопорождающей деятельности автора; ТЕКСТ *субстанциальный* – это текст как некая субстанция в совокупности его признаков (целостность, структурированность, когезия, когерентность, семиотичность, полиинтерпретируемость и т. д.), т. е. текст как потенциальный субъект смыслопорождения и потенциальный объект восприятия и интерпретации; ТЕКСТ *адресата* – это текст, представляющий собой результат интерпретационно-семантизирующей деятельности, осуществляемой адресатом при восприятии текста.

Данная схема иллюстрирует, с одной стороны, амбивалентную природу текста, а с другой – самостоятельность, активность и креативность рецептивной деятельности адресата, носящей интерпретационный характер.

Интерпретация как процесс представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в «*смыслосчитывании*», или *распредмечивании*, т. е. процессе, при ко-

тором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и *смыслопостроении*, или *опредмечивании*, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение [3, с. 31]. Иными словами, разрабатываемая нами концепция рассматривает интерпретацию как процесс последовательного перехода от текста к смыслу, зафиксированному в форме текста, т. е. реализации модели «Текст – смысл – текст».

Интерпретационный процесс осуществляется по вариативно-смысловой модели и имеет своим результатом множественность и вариативность смысловых версий интерпретируемого текста.

Исследование смыслового потенциала текста и особенностей его реализации в коммуникативном пространстве интерпретатора предполагает обращение к основным единицам, позволяющим представить текст как способ проявления смысла и особенности его вариативно-интерпретационного функционирования.

В лингвистической науке единицы языка и языкового устройства исследованы в разных аспектах и достаточно детально. Собственно, сама лингвистика базируется на изучении языка как системно-структурного образования, предполагающего классификацию его элементов и распределение их по крупным классам или уровням с выявлением особенностей их семантики и функциональной предзнаменности. Такой принцип, постулирующий взаимосвязь системно-структурного и функционального подходов на пути познания сущности изучаемого объекта, соответствует внутренней логике научного познания: «Бесконечное углубление в сущность объекта идет от функции к структуре, от нее – к более глубокой функции и т. д.» [5, с. 173].

Лингвистическая традиция изучения языковых единиц складывалась в направлении «от единицы языка – к функции», на основании чего выделяются

фонема как дифференцирующая и отождествляющая единица языка, слово как основная номинативная единица и т. д. При этом именно аспект изучения языка в значительной степени определяет его результат (ср., например, систему поуровневых единиц Э. Бенвениста [1], в основе которой лежит иерархический принцип).

Описание функционирования текста в коммуникативном пространстве реципиента предполагает использовать принципиально иной подход – «от функции к единице» – и тем самым актуализировать функциональную сущность языка (ср., например, разработанную Д. Г. Богушевичем [2] систему языковых единиц, в основе которой лежит функциональный принцип). В данной работе под функцией языковой единицы понимается «свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т. е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [11, с. 8].

Подход к языку как функциональной системе позволяет среди многообразия языковых функций, описанных, в частности, в работах [7, с. 136 – 144; 10, с. 340 – 353; 12, с. 30 – 37; 13, с. 372 – 377; 14 и др.], выделить *интерпретационную*, сущность которой заключается в семантизации языковых знаков, или, точнее, в приписывании значений и смыслов языковым знакам (единицам). Эта функция языка проявляется в следующей парадигме: «означающее – означаемое», «знак – знак», «интерпретатор – знак» – и демонстрирует такие свойства языковых единиц, как *самоинтерпретируемость, взаимоинтерпретируемость, интерпретируемость*. Указанные свойства проявляются в способности формы языкового знака выражать некий смысл, в способности знаков интерпретировать друг друга и в способности языковой личности интерпретировать знаки. При этом каждое из названных свойств языковой единицы и языка в целом обнаруживает себя в потенциальной вариативности результата интерпретации, т. е. в объективной способности одной единицы выражать множество смыслов.

Подход «от функции к единице» позволяет говорить о том, что интерпретационная функция, коррелирующая с соответствующими свойствами языковых единиц, и особенности деятельности носителей языка, в том числе деятельности по осуществлению ментально-рецептивного процесса, имеет собственно языковой статус и языковые единицы ее онтологизации. Такой единицей, предназначенной для выполнения интерпретационной функции, является *интерпретирующий текст*. Тем самым актуализируется мысль о том, что при выделении языковых единиц следует исходить не только из представления о языке как вторичной материальной системе, некоем целостном объекте [8], его уровневой стратификации (языковой уровень – единица языка) [1], но и языке как функциональной системе. Именно функциональный подход позволяет говорить о наличии функциональных единиц

языка, среди которых выделяется интерпретирующий текст.

При описании этой единицы возникает несколько вопросов и прежде всего вопрос о ее статусе как единицы онтологического или гносеологического порядка. Далее ставится вопрос о форме и способах ее онтологизации и, наконец, признав эту единицу языковой, необходимо, согласно лингвистической традиции, соотнести ее, с одной стороны, с соответствующей единицей речи, т. е. разграничить единицы этического и эмического уровня, а с другой стороны, – ввести в соответствующий парадигматический ряд.

Интерпретирующий текст как онтологическая и гносеологическая единица

Согласно нашей концепции, интерпретирующий текст – это единица языка как функциональной системы, а следовательно, является единицей онтологического типа. Вместе с тем это единица описания функционирования языка, единица, позволяющая адекватным образом представить модель языка как функциональной системы, а следовательно, это единица гносеологическая. Отмеченная амбивалентность интерпретирующего текста как онтологическо-гносеологической единицы не противоречит, а, напротив, соответствует свойствам других единиц языка, так в частности, фонема признается единицей фонетической системы языка – онтологический статус – и единицей описания фонетической системы языка – гносеологический статус. Об антиномии онтологического и гносеологического пишет Н. Д. Голев, рассматривая ее проявление при исследовании, в частности, метаязыкового сознания, которому автор придает онтолого-гносеологический статус, доказывая тезис о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии [6].

Как онтологическая единица языка интерпретирующий текст в эксплицитном варианте имеет определенные структурно-семантические и функционально-прагматические особенности и воплощается обычно в виде высказывания (суждения), представляющего собой умозаключение, логический вывод о содержании интерпретируемого текста.

Рассмотрим эти особенности на материале интерпретирующих текстов, полученных в результате лингвистического эксперимента семантизирующего типа. Участникам эксперимента предлагался следующий текст, выполняющий функцию *интерпретируемого*:

Места для пассажиров с детьми и инвалидов

При проведении эксперимента его участники должны были ответить на вопрос: *Как Вы поняли смысл данной фразы?* В результате эксперимента было получено 60 метатекстовых реакций, выполняющих функцию *интерпретирующего текста*, которые можно объединить в несколько групп с учетом их формально-смысловой дифференциации. Интерпретируемый текст детерминирует следующие интерпретирующие тексты:

(1) *Места, по всей видимости, в автобусе, предназначенные для детей и инвалидов. И дети приравниваются к инвалидам; Что на этих местах должны сидеть дети и инвалиды;*

(2) *Эту надпись часто встречаешь в общественном транспорте. Она означает, что предназначенные для этой социальной группы, не должны быть заняты другими взрослыми и физически здоровыми людьми;*

(3) *Фраза эта из общественного транспорта, значит некоторые места предназначены для детей и инвалидов, если они заняты, надо освободить их, если они есть, эти люди в данном транспорте. Их можно занять в том случае, если места свободны, и нет этих людей;*

(4) *Это значит, что на данных местах должны сидеть вышеуказанные лица (в общественном транспорте и т. д.). Если это место занято вами, вы должны уступить; Эти места предназначены для детей и инвалидов, если в салоне окажутся дети и инвалиды, пассажир, сидящий на этих сиденьях, должен уступить место; Смысл в том, что если мы видим эту фразу, скажем, в общественном транспорте, мы должны уступить место. Инвалидам из-за их физических недостатков, а детям из-за того, чтобы ребенок не травмировался в транспорте; Необходимо как минимум уступить место таковым, как максимум – не занимать их; При появлении детей и инвалидов в общественном транспорте, занимаемое место необходимо уступить. Оно наиболее приспособлено для данных категорий людей;*

(5) *Предполагается места для малых детей с мамами и инвалидов, которые тяжело больные (в эту категорию входят и пожилые, и ветераны и т. д.);*

(6) *Первое, что приходит на ум, это места в общественном транспорте, на которых обычно сидят граждане, не подходящие под данную категорию;*

(7) *Здоровым не садиться;*

(8) *Предупреждение, ограничение;*

(9) *Надпись в автобусе над креслами.*

Как видим, интерпретирующий текст эксплицитно (1 – 6) или имплицитно (7 – 9) содержит маркеры, позволяющие говорить о том, что перед нами логическое следствие, импликация интерпретируемого текста. К числу таких маркеров относятся элементы: [*эта надпись*] *означает; значит; это значит; предполагается; первое, что приходит на ум* и т. п. В 7 – 9 фразах маркер импликации содержится в свернутой, имплицитной форме.

В **структурно-семантическом аспекте** об интерпретирующем тексте следует говорить как о бинарной структуре: в первой части излагается содержание интерпретируемого текста, а во второй – толкование этого содержания. При этом каждая из частей может быть представлена в большей или меньшей степени развертывания / свертывания, в том числе в имплицитной форме, а также в большей / меньшей степени копирования / креативности.

Например, (7) *Эти места предназначены для детей и инвалидов, || если в салоне окажутся дети и инвалиды, пассажир, сидящий на этих сиденьях, должен уступить место;*

(8) *Смысл данной фразы я понимаю в том, что в любом виде общественного транспорта существуют такие места, которые предназначены для детей и инвалидов, || и которые не могут занимать другие дееспособные люди;*

(9) *Смысл в том, что если мы видим эту фразу, скажем, в общественном транспорте, || мы должны уступить место. Инвалидам из-за их физических недостатков, а детям из-за того, чтобы ребенок не травмировался в транспорте.*

Кроме того, о структуре интерпретирующего текста можно говорить в аспекте его актантно-предикатной организации, где объект составляет содержание интерпретируемого текста, а предикат – суждение о нем.

Например, (10) *Фраза обозначает предназначенность мест для определенных лиц, т. е. ограничение.*

Онтологию отношений интерпретируемого и интерпретирующего текста можно описать и в деривационном аспекте, рассматривая интерпретирующий текст как результат преобразования – деривации – интерпретируемого текста по принципу *метонимических отношений*: часть содержания интерпретируемого текста сохраняется в содержании интерпретирующего текста. Например, (11) *То есть эта фраза говорит о том, что места в общественных транспортах для лиц, подходящих под эти параметры должны освобождаться по первому требованию.*

Интерпретирующий текст, рассматриваемый в **функционально-прагматическом аспекте**, обнаруживает бинарную тема-рематическую организацию, где тему составляет содержание интерпретируемого текста, а реме – суждение о его содержании.

Так, первая часть интерпретирующего текста (12) *Эти места в транспорте, || которые дееспособные граждане должны уступать им*, являясь его темой, по сути, в свернутом виде отражает содержание интерпретируемого текста, т. е. представляет собой *данное*, известное из содержания предшествующего текста, а вторая часть – рема – представляет собой *новую* информацию, *актуальную*.

Следует подчеркнуть, что интерпретирующий текст, как компонент речевого акта, способствует продвижению коммуникативного процесса и обеспечению успешности коммуникативного взаимодействия. С одной стороны, содержание интерпретирующего текста отражает информацию о том, как адресат понимает коммуникативную сущность интерпретируемого текста и интенциональность его автора, т.е. информацию об иллокутивном значении интерпретируемого текста. Содержание интерпретирующего текста позволяет автору судить о перлокутивном эффекте его высказывания («меня правильно / неправильно поняли») – перлокуцию

автора. С другой стороны, содержание интерпретирующего текста отражает коммуникативное удовлетворение / неудовлетворение адресата от результата речевого взаимодействия («я понял / я не понял»), его представлений о соответствии / несоответствии формы и содержания языкового выражения («ясно / неясно»), о гармонии формально-смысловой структуры высказывания («удачно / неудачно»). Результат коммуникативного процесса, рассматриваемый в этом аспекте, следует оценивать как перлокуцию адресата. При этом одному и тому же интерпретируемому тексту соответствует множество интерпретирующих текстов, т. е. одно иллокутивное значение, получающее закрепление в виде интерпретируемого текста, соотносится с множеством интерпретирующих текстов, репрезентирующих соответственно разнообразное множество перлокутивных эффектов адресата. Это множество (здесь удачной представляется метафора – *веер*) перлокутивных эффектов задается адресатом. Пространство адресата – это та среда, где создается и функционирует веер интерпретирующих текстов.

Интерпретирующий текст как единица языка и речи

Единицу интерпретационного функционирования текста следует рассматривать, согласно лингвистической традиции, на уровне языка и речи, т. е. дифференцировать единицы «эмического» и «этического» уровня, и поэтому такую единицу, как интерпретирующий текст, необходимо рассмотреть и терминологически дифференцировать на уровне языка и на уровне речи, а также представить отношения этих единиц как корреляцию инварианта – вариантов. Далее, проецируя базовые постулаты системной вариантологии в сферу интерпретационного функционирования текста, следует вести речь о двух тесно связанных между собой, но тем не менее различных оппозициях. Одна из них репрезентирует аспект «абстрактное – конкретное», другая – аспект «тождество – различие».

Под единицей интерпретационного функционирования текста на «эмическом» уровне мы понимаем инвариант (абстрактную модель), который существует в отвлечении как от субъекта, так и от речевого воплощения его деятельности. В своем идеальном функционировании он обеспечивает неосознаваемую, автоматическую интерпретацию. Как языковая единица, в таком функционировании он выполняет интерпретирующую (семантизирующую) функцию, в результате чего обеспечивается ход (продвижение) и исход (коммуникативное удовлетворение) речевого акта.

Учитывая традиции в области лингвистической терминисистемы наименований «эмических» единиц (*фонема, лексема, морфема, информема* [9], *ситуатема* [4]), а также ее содержательную сущность, описываемую нами единицу интерпретационного функционирования текста можно назвать ***интерпретатемой***. Этот термин, с одной стороны, подчеркивает языковой статус единицы и ее онто-

гические свойства, а именно – интеграционную сущность: интерпретатема как объединение потенциальных интерпретаций текста по аналогии, например, с фонемой как звукотипом, объединением звуков, лексемой как совокупностью лексико-семантических вариантов и т. д. В этом смысле любой текст есть носитель свойства интерпретируемости и множественного смыслового потенциала и, следовательно, является интерпретатемой. С другой стороны, термин интерпретатема подчеркивает функциональную сущность языковой единицы – служить средством интерпретации текста.

Под ***интерпретатемой*** предлагается понимать *виртуальную языковую единицу, выполняющую интерпретационную функцию, которая представляет собой обобщенную множественность вариантов диктумно-модусных смыслов интерпретируемого текста*. Ее функционирование в речи обуславливается онтологическим статусом текста как носителя потенциала интерпретационного функционирования и, следовательно, фактиса коммуникативного процесса. В плане содержания интерпретатема представляет собой пучок смыслов (диктумов и модусов). И в этом плане она обнаруживает такие же принципы организации, как и другие типы языковых единиц: фонема как пучок дифференциальных признаков, обобщающий конкретные (в том числе варианты) ее проявления в речи, лексема как абстрактная совокупность словоупотреблений (в том числе лексико-семантических вариантов).

Интерпретатема как виртуальная языковая единица в ходе рецептивно-интерпретационного процесса реализуется в виде объективно-идеальной (смысловой) и объективно-материальной речевой сущности, т. е. единицы «этического» уровня. Для обозначения этой единицы предлагается использовать термины ***интерпретата***, или ***смысловая версия***. Первый из терминов подчеркивает ее речевой статус, коррелируя с другими единицами «этического» уровня (лекса, морф), а второй – актуализирует ее онтологические, содержательные свойства.

Смысловая версия – моделируемая речевая единица. Она, подобно лексико-семантическому варианту слова, извлекается из интерпретируемого текста в результате речевой интерпретационной деятельности реципиента, опирающейся на интерпретационные фреймы языкового сознания; смысловая версия воплощается в форме интерпретирующего текста.

Возвращаясь к приведенному выше примеру, можно говорить о том, что данный интерпретируемый текст реализуется совокупностью интерпретирующих текстов, которые на языковом уровне представляют собой интерпретатему как объединение интерпретат, или смысловых версий. В результате лингвистического эксперимента мы выявили 12 интерпретат.

Таким образом, интерпретатема и интерпретата находятся в оппозиции «потенциальное – реальное»; первая из указанных единиц представляет собой отвлеченное от конкретного речевого воплощения объ-

единение – веер – интерпретат как совокупности относительно однородных смысловых версий, получивших конкретное воплощение в рецептивном языковом процессе. Рассматривая отношения инварианта – варианта интерпретатемы и интерпретаты на оси «потенциальное – реальное», можно провести аналогию с другими языковыми единицами, например, отношения между лексемой и лексой (лексико-семантическим вариантом), морфемой и алломорфом.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Богушевич, Д. Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 118 с.
3. Демьянков, В. З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др.; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
4. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск: ТГУ, 1999. – 262 с.
5. Новик, И. Б. Логика научного познания и метод моделирования / И. Б. Новик, Н. М. Мамедов, Н. А. Давтян // Философско-методологические основания системных исследований: системный анализ и системное моделирование. – М.: Наука, 1983.
6. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: АГУ, 2009. – 532 с.
7. Слюсарева, Н. А. Методологический аспект понятия функции языка / Н. А. Слюсарева // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. Т. 38. – 1979. – № 2.
8. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 342 с.
9. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 151 с.
10. Степанов, Ю. С. Семиологическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 32. – 1973. – № 4.
11. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 347 с.
12. Шведова, Н. Ю. Один из путей построения функциональной грамматики русского языка / Н. Ю. Шведова // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985.
13. Якобсон, Р.О. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р.О. Якобсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 4. – М.: Прогресс, 1965.
14. Halliday, M. A. K. System and function in language // Halliday M. A. K. Selected papers. – London, 1976. – 250 p.